

ОСНОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА (ФОРМАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 13-06-00119) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Рассматривается вопрос о том, каким образом возможна справедливость в обществе позднего капитализма, предложенная в формальной прагматике концепция жизненного мира, а также раскрывается значение данной концепции для понимания природы общества. Реконструируется разработанная Ю. Хабермасом теория коммуникации; обозначаются патологии общества позднего модерна; тематизируются возможные основания справедливости в формально-прагматической перспективе.

Ключевые слова: справедливость; жизненный мир; коммуникация; коммуникативная рациональность; общество позднего капитализма; формальная прагматика; Ю. Хабермас.

Справедливость является важнейшей категорией не только философии, этики или права, но и повседневной социальной практики, поскольку затрагивает широкий спектр человеческих взаимоотношений. Наряду с понятиями «добро» и «истина», понятие «справедливость» с давних времён прочно обосновалось в сознании человека, являясь важнейшим регулятором общественных отношений. Данная категория включает в себя множество аспектов, связанных, во-первых, с определением обязанностей людей в обществе, а во-вторых, со способом распределения совместно произведённых духовных и материальных благ.

Единого представления об источниках и содержании понятия справедливости, как известно, не существует. Споры по поводу того, что считать справедливым, ведутся с давних времён и порождают разные этические концепции. Сторонники одних концепций связывают идею справедливости с равенством, сторонники других – с индивидуальными заслугами. В одних этических теориях реализация идеи справедливости связана с деятельностью государства, в других – с процессами конкуренции.

Между тем, несмотря на разнообразие концепций, согласие по поводу понятия справедливости является важным основанием для самого общества. По замечанию А. Макинтайра, «согласие по поводу того, каковы должны быть соответствующие правила, всегда должно быть предварительным условием согласия по поводу природы и содержания конкретных добродетелей» [1. С. 330]. Отсутствие данного согласия порождает общественные противоречия и конфликты. Из вышесказанного следует, что наряду с проблемой определения сущности справедливости не менее важной является проблема того, как возможно (и возможно ли вообще) общественное согласие по поводу того, что считать справедливым.

В классической философии возможность солидарности относительно вопросов справедливости связывалась с познанием «общей человеческой природы» [2. С. 17]. В рамках современного состояния философии, которое определяется как постметафизическое [3. С. 16], отрицается существование общей человеческой природы. Поэтому проблема оснований справедливости приобретает особую актуальность и остроту.

Данная статья посвящена вопросу о том, каким образом возможна справедливость в условиях современного общества. Используя ресурс формальной прагматики, мы выявим возможные основания солидарности в постметафизической перспективе.

Решая эту проблему, мы: 1) рассмотрим предложенную в формальной прагматике концепцию жизненного мира и раскроем значение данной концепции для понимания природы общества; 2) реконструируем разработанную Ю. Хабермасом теорию коммуникации; 3) обозначим патологии общества позднего модерна; 4) тематизируем возможные основания справедливости в формально-прагматической перспективе.

1. Концепция жизненного мира. Теория жизненного мира позволяет представить общество не только как систему, состоящую из структур, которые функционируют анонимно и независимо от сознания людей, составляющих общество, но и как то, что постоянно конституируется самими индивидами в процессе повседневных коммуникативных практик. В общем смысле жизненный мир представляет собой глубокий слой нетематического знания, которое организовано в определённую универсальную структуру.

Впервые понятие «жизненный мир» вводит Э. Гуссерль. С его точки зрения, жизненный мир имеет следующие характеристики: во-первых, для феноменов жизненного мира характерна субъективная достоверность, т.е. эти феномены воспринимаются нами как непосредственно очевидные и интуитивно достоверные; во-вторых, эти феномены являются «анонимными» и содержание их определяется не активностью нашего мышления, а нашим жизненным миром; в-третьих, жизненный мир является чем-то целым; в-четвёртых, способ существования жизненного мира отличен от способа существования физических вещей. Предметы и вещи всегда «из мира» или «в мире», но сам жизненный мир не является объектом среди других объектов. Гуссерль указывает, что «мы обладаем мировым горизонтом как горизонтом возможного опыта вещей» [4. С. 188].

Таким образом, любая наша деятельность всегда предполагает, как фон, универсальный нетематический горизонт. В-пятых, жизненный мир невозможно тематизировать, так как он не является объектом.

Социальный аспект жизненного мира был исследован Альфредом Шюцем. Он поставил вопрос о смысловых структурах повседневного мира, или социальной реальности. Шюц понимал жизненный мир как мир социального, мир повседневности. Этот мир интересен по своему статусу, т.е. он переживается как общий для всех людей, принадлежащих определённому жизненному миру. Интересность жизненного мира указывает на то, что наше сознание и любое действие сущностно социальны. Социальный мир, мир социальных отношений, которому принадлежим мы, имеет для нас огромную значимость. Одновременно каждый из нас уверен, что этот мир имеет смысл и значение не только для него, но также и для других людей. Каждый из нас в своей повседневной практике исходит из того, что его действия, ориентированные на других, будут пониматься ими по аналогии с тем, как он понимает действия других, ориентированные на него. Мир повседневной практики – это интересность мира. Этот мир выступает основанием и необходимым условием социальной коммуникации. Социальный мир включает в себя некоторую совокупность принимаемого на веру знания, это знание разделяется всеми индивидами. Часть нашего знания имеет социальное происхождение. Это значит, что «лишь небольшая часть нашего знания о мире рождается в нашем личном опыте. Большая его часть имеет социальное происхождение, передана мне моими друзьями, родителями, учителями и учителями моих учителей» [5. С. 16]. Усваивая это знание, мы становимся полноправными участниками общества, которому принадлежим. Любое социальное действие формируется в повседневности и реализуется посредством тех значений, которые делают мир осмысленным для действующего индивида.

Хабермас продолжает традицию исследования жизненного мира. Он тематизирует данный феномен, анализируя ситуацию коммуникативного взаимодействия. В данной перспективе жизненный мир предстаёт как контекст, который образует горизонт процессов взаимопонимания. Фон коммуникативной ситуации образуют её общие определения, разделяемые всеми участниками коммуникативного взаимодействия. Эти общие определения ситуации в простых случаях неявно предполагаются согласованными. Лишь в сложных случаях согласованное понимание ситуации является продуктом сознательных стремлений. Благодаря этим общим определениям участники коммуникации могут идентифицировать фрагменты ситуации, относя их к миру физических объектов, к миру социальных норм или миру субъективных переживаний. Из жизненного мира, который присутствует в коммуникативной ситуации как интуитивно ясная сеть достоверностей, выделяется сфера тех предметностей, о которых в том или ином случае может быть достигнуто согласие. Если дальше проводить это различие, то становятся всё более заметными, с одной стороны, «горизонт бесспорных, интересность разделяемых и нетематизируемых самоочевидностей, остающийся за спиной участников коммуникации» [6. С. 206], а с другой – «объекты, которые они могут воспринимать и которыми могут манипулировать,

обязующие нормы, которые они могут соблюдать или нарушать, а также привилегированным образом доступные переживания, которые они могут манифестировать» [6].

Таким образом, жизненный мир выступает своеобразным резервуаром для осуществления интерпретации. С одной стороны, жизненным миром формируется интуитивно понимаемый контекст коммуникативного взаимодействия, а с другой стороны, он является источником ресурсов для процессов интерпретации, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации действия потребность во взаимопонимании. Хабермас замечает: «В то время как сопряженный с той или иной ситуацией фрагмент жизненного мира в качестве некоей проблемы надвигается на действующего индивида, так сказать, спереди, сзади его поддерживает жизненный мир, который не только образует *контекст* процессов понимания, но и предоставляет для них *ресурсы*» [Там же. С. 202]. Жизненный мир обеспечивает своих участников запасом культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации заимствуют устраивающий образ интерпретации.

2. Коммуникация в структуре социального действия. Формальную прагматику язык интересует как речевой акт или действие, которое превращает языковое предложение в соразмерную контексту речи ситуацию. Примечательно то, что формальная прагматика рассматривает язык и коммуникацию как основу социальной жизни. С точки зрения Хабермаса, именно коммуникация, которая сплетает социальную ткань и обеспечивает её поступательную рационализацию, является фундаментом общества, а не материальные производительные силы. Коммуникативное действие, в котором благодаря механизмам взаимопонимания в среде естественного языка происходит координация планов действия участников, обеспечивает воспроизводство общества как «жизненного мира».

С точки зрения формальной прагматики мы можем выделить два модуса языкового употребления: когнитивный и коммуникативный. В нашей языковой практике «мы либо *говорим о том, что имеет или не имеет место*, либо *говорим что-нибудь кому-нибудь другому*, так что последний понимает то, что говорится» [6. С. 39]. Соответственно, первый способ употребления языка называется когнитивный, а второй – коммуникативный. Только второй способ употребления языка сущностно связан с условиями коммуникации. Понимание того, что говорится, требует участия в коммуникативном действии. Необходимо, чтобы сложилась определённая языковая ситуация, в которой один из её участников находится в коммуникации с другим участником, говорит о чём-то и выражает то, что он сам об этом думает. При когнитивном употреблении языка подразумевается всего одно фундаментальное отношение – отношение между языковыми предложениями и чем-то, имеющим место в мире, т.е. тем, о чем сообщается в этих предложениях. При коммуникативном модусе языкового употребления – при употреблении языка с целью достижения взаимопонимания с другим человеком – подразумеваются три фундаментальных отношения; «выражая *своё*

мнение, говорящий налаживает коммуникацию с другим членом той же языковой общности и говорит ему о чем-то, имеющем место в мире» [6. С. 39]. В первом случае подразумевается связь между языком и реальностью, во втором случае языковое сообщение, во-первых, выражает намерения говорящего, во-вторых, устанавливает связь между говорящим и слушателем, в-третьих, указывает на нечто, имеющее место в реальности. Таким образом, в отличие от когнитивного коммуникативный модус языкового употребления имплицитует не одно, а три отношения. Когда мы высказываемся в рамках повседневного контекста о чем-либо, мы вступаем в отношение не только с чем-то, имеющим место в объективном мире, но ещё с чем-то в социальном мире, мире социальных отношений, а также к чему-то в субъективном мире, мире собственных переживаний.

Важно также отметить, что эти два модуса языкового употребления фундируют две различные познавательные установки. При когнитивном употреблении языка наблюдатель полагает, что некоторое положение дел имеет место или будет иметь место, занимает объективирующую установку по отношению к некоторому положению дел в объективном мире. При коммуникативном употреблении языка тот, кто участвует в коммуникации, т.е. что-либо высказывает и понимает смысл того, что говорится, занимает перформативную установку, установку участника. Перформативная установка даёт возможность участникам коммуникативного взаимодействия оценивать те притязания на значимость, которые участники выдвигают в ожидании принятия или неприятия со стороны друг друга. Эти притязания критически оцениваются и в результате их интерсубъективного признания формируются условия для рационально мотивированного консенсуса. Кроме того, общаясь друг с другом в перформативной установке, участники коммуникации также выполняют определённые действия, благодаря которым воспроизводится и общий для них жизненный мир.

Перформативная установка является конститутивной для так называемого коммуникативного действия. О коммуникативном действии мы можем говорить тогда, «когда акторы идут на то, чтобы внутренне согласовать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нём ещё только предстоит договориться» [6. С. 199–200]. Хабермас противопоставляет данный тип действия действию стратегическому, для которого конститутивной является объективирующая установка. В коммуникативном действии «участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость» [Там же. С. 91]. Участники коммуникации, общаясь друг с другом, посредством своих речевых действий выдвигают притязания на значимость: во-первых, притязание на истинность (когда обращаются к чему-то в объективном мире), во-вторых, притязания на правильность (когда обраща-

ются к чему-то в социальном мире) и, в-третьих, притязания на правдивость (когда ссылаются на что-то в субъективном мире) своих высказываний. Если в стратегическом действии воздействие одного участника коммуникации на другого происходит эмпирически, т.е. через угрозу применения различного рода санкций, для того чтобы принудить к выполнению желанных действий, то в коммуникативном действии один участник предлагает другому рациональные мотивы присоединиться к нему.

Важно отметить, что всякий акт коммуникативного употребления языка направлен на достижение взаимопонимания. Взаимопонимание является внутренним телосом коммуникации. Процесс взаимопонимания направлен на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. С точки зрения Хабермаса, «согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им: то, что *явным образом* производится путём внешнего воздействия, нельзя *считать* согласием. Последнее всегда покоится на общих убеждениях» [6. С. 200].

Действие понимается как процесс овладения ситуацией. Коммуникативный аспект связан с совместным истолкованием ситуации, достижением консенсуса. Субъектам коммуникативного действия приходится договариваться о чем-либо, что происходит в мире, если они хотят на основе взаимного согласия реализовать свои планы исходя из общего понимания ситуации, в рамках которого происходит их взаимодействие. В качестве системы отчёта участники коммуникативного взаимодействия имплицитно выдвигают три концепта формальных миров: концепт объективного мира, концепт социального мира и концепт субъективного мира. С помощью данных концептов они могут устанавливать, что имеет место в том или ином случае. Эти концепты соотносятся с тремя функциями речевого действия. Речевое действие может служить для обозначения каких-то событий в мире, в этом случае говорящий ссылается на нечто, происходящее в объективном мире. Кроме того, с помощью речевого действия может быть установлено межличностное взаимодействие, когда говорящий ссылается на социальные нормы, существующие в социальном мире. Также речевое действие может служить выражением личных переживаний, тогда говорящий ссылается на нечто, происходящее в его субъективном мире. Таким образом, концепция трёх миров является своеобразной точкой отсчёта, которая служит основанием возможности достижения взаимопонимания между участниками коммуникативного взаимодействия. В повседневной коммуникативной практике наше согласие фундировано одновременно разделяемым нами пропозициональным знанием, согласием в нормативном плане и взаимным доверием.

3. Патологии общества позднего капитализма. Исследуя патологии позднекапиталистического общества, исследователи часто указывают на такие характерные для него явления, как «утрата свободы» и «утрата смысла». Оба эти явления возникают вследствие вторжения инструментальной рациональности в

сферу социальных практик, формируемых коммуникативным взаимопониманием. Если в обществе раннего капитализма данный процесс осуществлялся главным образом в сфере производства, то в современном обществе (обществе позднего капитализма) он проникает в социальную и культурную сферы.

«Утрата свободы» в обществе позднего капитализма возникает потому, что в результате процесса рационализации из жизненного мира выделяются такие формально организованные сферы действия, как государственное управление и экономика, взаимосвязи жизненного мира попадают в зависимость от этих элементов социальной системы. Сами же области государственного управления и экономики утрачивают связь с контекстами жизненного мира и становятся свободными от его норм, кроме того, данные области больше не формируются механизмами коммуникативного взаимопонимания. Достигнув автономности по отношению к символическим структурам жизненного мира, институты социальной системы становятся нейтральными по отношению к культуре и личности. В данном контексте общество предстаёт как свободная от нормативных связей совокупность деперсонализированных институтов, существование которой не зависит от конкретных мотивов членов общества и их индивидуальных особенностей. В противовес выделению из жизненного мира подсистем государственных учреждений и капиталистической экономики в самом жизненном мире формируются публичная и частная сферы. Основным элементом приватной сферы является семья, тогда как основным элементом публичной сферы является сеть коммуникаций, благодаря которой происходит вовлечение индивидов в процесс воспроизводства культуры (свободные ассоциации граждан и т.п.).

В данных условиях социальная реальность распадается на две сферы: 1) сферу действий, которая формируется жизненным миром и является коммуникативно структурированной; 2) сферу действий, которая является формально организованной и нейтральной по отношению к жизненному миру. Первая сфера связана с механизмом социальной интеграции, а вторая – с механизмами системной интеграции. Социальная интеграция тесно связана с феноменом языкового взаимопонимания, тогда как в формально организованных областях действия определяющими становятся механизмы саморегуляции.

В результате взаимодействия жизненного мира и элементов системы осуществляется процесс так называемой реальной абстракции. Данный процесс превращает элементы жизненного мира во «входные данные» для конкретной подсистемы, т.е. элементы утрачивают свою уникальность и индивидуальность. В системе рыночной экономики происходит, с одной стороны, обмен заработной платы на труд, а с другой – услуг и благ на потребительский спрос. В системе государственного администрирования происходит обмен организационной деятельности на налоги, а политических решений – на лояльность масс.

Таким образом, процесс реального абстрагирования приводит к колонизации жизненного мира и характерному для общества позднего капитализма типу

овеществления. Данный тип овеществления не является специфически классовым и не связан только со специфическим типом производства.

Другая проблема позднего капитализма связана с отделением экспертных сообществ от культурной традиции. Это и порождает феномен «утраты смысла» в настоящее время. Проблема заключается в том, что экспертные культуры ставят под вопрос авторитет традиции и её притязание на значимость. Как замечает Хабермас, «форма понимания, основанная на силе аргументов, становится столь прозрачной, что повседневная практики коммуникации не оставляет больше никакой ниши для господства идеологических структур» [7. С. 369]. В результате повседневное сознание оказывается дезориентированным. Оно уже не может опираться на традиционные ценности и значимости. В современном просвещённом обществе становится невозможным целостная интерпретация мира, воплощенная в intersubjectively разделяемом знании. Это приводит к тому, что «повседневное сознание, отосланное к традициям, претензии которых на значимость уже отвергнуты, оказывается вне сферы влияния традиционализма и прибывает в состоянии безнадёжного распада. Место “ложного” занимает “фрагментированное” сознание, которое препятствует просвещению с помощью механизма овеществления» [Там же. С. 370].

4. Коммуникативная рациональность как условие справедливости в обществе позднего капитализма. Как же преодолеть разрыв между жизненным миром и системой? Возможно ли достижение согласия относительно принципов справедливости? Что будет основанием морального согласия?

Отвечая на эти вопросы, Ю. Хабермас обращается к анализу процесса аргументации и тем правилам, которые имплицитно признаются всеми участниками дискуссий. Способ обоснования моральных норм вытекает из «имплицитного содержания всеобщих предпосылок аргументации» [8. С. 114].

Как уже было отмечено, с точки зрения формальной прагматики коммуникации внутренне присущи универсальные стандарты рациональности, которые предполагаются каждым её участником. Рациональность коммуникации связана с теми притязаниями на значимость, которые имплицитно присутствуют в коммуникативном модусе языкового употребления, а именно притязаниями на пропозициональную истинность, субъективную искренность и нормативную правильность. Выражение имеет притязание на истинность, так как оно отображает нечто в объективной реальности, оно притязает на то, чтобы быть правдивым, поскольку оно выражает намерения говорящего, и оно притязает на то, чтобы быть правильным, так как соотносится с «общественно признанными ожиданиями». Эти притязания являются необходимыми условиями рациональной коммуникации. Они могут подвергаться критике или быть полностью обоснованными, приниматься или отвергаться слушателем. Но, тем не менее, они с необходимостью предполагаются каждым участником осмысленной коммуникации. Действия структур коммуникативной рациональности не ограничиваются только локальными

контекстами, но обеспечивают выход за пределы той языковой ситуации, в которой реализуется коммуникативное действие. С этикой тесно связано притязание на нормативную правильность моральных высказываний.

В повседневной жизни моральные нормы координируют наши действия на двух взаимосвязанных уровнях коммуникативного взаимодействия. На первом уровне они регулируют социальные взаимоотношения, связывая и направляя мотивы нашего действия. На втором уровне – уровне моральных противоречий – моральные нормы актуализируют свои основания и направляют наши критические высказывания. Таким образом, «мораль не только подсказывает, как должны поступать члены общности; она в то же самое время даёт основания для достижения консенсуса и урегулирования тех конфликтов, к которым привели рассматриваемые действия» [8. С. 52]. Моральные нормы обладают собственным когнитивным содержанием, которое может актуализироваться во время моральных противоречий.

Моральные споры могут быть разрешены с помощью того потенциала обоснования, который внутренне присущ нормам морали. Обоснование здесь понимается «как практики публичного оправдания, в ходе которой критикуемые притязания на значимость по-

лучают поддержку в виде тех или иных оснований. При этом критерии рациональности, придающие этим основаниям их весомость, сами могут быть подвергнуты обсуждению» [8. С. 104]. В моральных дискуссиях участники стремятся к преодолению конфликта через достижение нарушенного согласия, т.е. средством преодоления моральных противоречий является открытая аргументированная дискуссия. Цель такой дискуссии – достижение intersubjectively взаимопонимания, которое и может привести к согласию относительно действительности той или иной моральной нормы.

Свою общезначимость моральные нормы могут получать в реальном практическом дискурсе. Претендовать на общезначимость могут только те моральные нормы, которые в процессе реального обсуждения получили одобрение. Действительность моральной нормы устанавливается тогда, когда все те, чьи интересы эта норма затрагивает, свободно принимают те явные и неявные последствия, к которым приведёт её принятие. При этом важно, что «одобрение», которое достигается в условиях дискурса, представляет собой согласие, мотивированное эпистемическими основаниями; его нельзя понимать как договорённость, рационально мотивированную в эгоцентрической перспективе каждого» [Там же. С. 112].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали. Москва : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
2. *Рорти Р.* Случайность, ирония, солидарность. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
3. *Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. 286 s.
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб. : Владимир Даль, 2004. 399 с.
5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
6. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2006. 380 с.
7. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: Антология : в 2 ч. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 353–372.
8. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. 417 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 01 декабря 2014 г.

GROUND FOR JUSTICE IN THE SOCIETY OF LATE CAPITALISM (THE APPROACH OF FORMAL PRAGMATICS)

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 70–75. DOI 10.17223/15617793/391/11

Gaponov Alexander S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gaponov@sibmail.com

Keywords: justice; world of life; communication; communicative rationality; society of late capitalism; formal pragmatics; Habermas.

A single view on the source and content of the concept of justice, as we know, does not exist. Disputes over what constitutes the fair are underway since ancient times and generate different ethical concepts. Supporters of some concepts associate the idea of justice with equality, others with individual merits. In some ethical theories realization of the idea of justice is related to the activities of the state, in others with the processes of competition. This article deals with the question of how justice is possible in today's society. Using the resources of formal pragmatics, we will identify possible reasons of solidarity in post-metaphysical perspective. Solving this problem, we (1) consider the concept of life-world, proposed in formal pragmatics, and reveal the importance of this concept for understanding the nature of society; (2) reconstruct the theory of communication developed by Habermas; (3) indicate the pathology of late modern society; (4) thematize the possible grounds of fairness in the formal-pragmatic perspective. (1) The theory of life-world allows us to represent the society not only as a system consisting of structures that operate anonymously and independently of the consciousness of people in the society but also as something that is constantly constituted by individuals in the course of everyday communicative practices. In a general sense life-world is a deep layer of non-thematic knowledge that is organized in a certain universal structure. (2) Formal pragmatics is interested in language as a speech act or action that makes a linguistic sentence a situation commensurate to the context of speech. It is noteworthy that formal pragmatics considers language and communication as the basis of social life. From the point of view of Habermas, it is communication, which weaves the social fabric and provides its progressive rationalization, that is the foundation of society, not the material productive forces. A communicative act, which coordinates the action plan of the participants by mechanisms of mutual understanding in the natural language, provides reproduction of society as a life-world. (3) Investigating the pathology of late capitalist society, researchers often indicate such characteristic phenomena as "loss of freedom" and "loss of meaning". Both these phenomena are caused by the penetration of instrumental rationality into social practices generated by communicative rapport. If in the society of early capitalism this process was carried out mainly in the area of

production, in modern society (society of late capitalism) it penetrates into the social and cultural spheres. (4) The method of justification of moral norms follows from the implicit content of the general argument prerequisites.

REFERENCES

1. MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: a study of moral theory]. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2000. 384 p.
2. Rorty R. *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, Irony, Solidarity]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoy obshchestvo Publ., 1996. 280 p.
3. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 286 p.
4. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2004. 399 p.
5. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: The world glowing with sense]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p.
6. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006. 380 p.
7. Habermas J. *Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma* [The relationship between the system and the life-world in the conditions of late capitalism]. In: *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: v 2 ch.* [Theoretical Sociology: An Anthology: in 2 parts]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet" Publ., 2002. Pt. 2, pp. 353–372.
8. Habermas J. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involvement of the other. Essays in Political Theory]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 417 p.

Received: 01 December 2014